

Читайте также в серии:

Ловушка для ворона

Рассказывая сказки

Скрытые глубины

Немые голоса

Комната из стекла

ЭНН КЛИВЗ

**СНЕЖНОЕ
ЗАБВЕНИЕ**

INSPIRIA

Москва

2024

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К49

Ann Cleeves
HARBOUR STREET

Copyright © Ann Cleeves 2014
By arrangement with John Hawkins & Associates, Inc.,
New York

К49 **Кливз, Энн.**
Снежное забвение / Энн Кливз ; [перевод с английского
Т. А. Масленниковой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с.

ISBN 978-5-04-206366-4

За десять дней до Рождества Ньюкасл накрывает снегом. Повсюду царит предпраздничное настроение и слышится веселый смех гуляющих компаний. Именно в такой вечер сержант Джо Эшворт вместе со своей дочкой Джесси вынужден добираться домой на метро. Когда из-за плохой погоды всех просят выйти на станции, девочка замечает, что одна пожилая леди осталась в вагоне. Как оказалось, несчастную незаметно для всех зарезали ножом.

Прибыв на место преступления, Вера Стенхоуп ощущает знакомое чувство, что дело будет сложным и интересным. Интуиция ее не подводит. Несколько дней спустя обнаруживают труп единственного свидетеля этого убийства.

Следы обоих преступлений ведут на злополучную Харбор-стрит, где проживала первая жертва. Только никто из местных жителей не хочет делиться с детективами своими секретами...

**УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44**

© **Масленникова Т.А., перевод
на русский язык, 2024**

© **Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024**

ISBN 978-5-04-206366-4

*Посвящается Оливеру Кларку
и Артуру Рейнору*

Глава 1

Джо продирался сквозь толпу. Стоял канун Рождества, и вагоны метро были полны людей, вцепившихся в огромные пакеты, набитые бесполезными подарками. В дорогих колясках орала дети. Офисные сотрудники, уже начавшие праздновать, толпами сбегали с корпоративов и, спотыкаясь, спускались по эскалатору к поездам. Молодежь ругалась такими словами, от которых Джо предпочел бы своих детей оградить. Но сегодня не было других вариантов, кроме как воспользоваться метро. Сэл уверяла, что ей никак не обойтись без машины.

Они с дочкой ехали вдвоем. Она пела в школьном хоре, и сегодня в соборе Ньюкасла был концерт. Рождественские песни исполняли при свечах, ведь даже в четыре часа дня в здании было темно. От этой музыки ему всегда хотелось плакать. Его начальница, Вера Стенхоуп, постоянно говорила, что он восторженный дурак.

Затем, в час пик, они вышли на улицу. Пошел снег, и у Джесси еще сильнее поднялось настроение. Она была солисткой, и сегодня ей удалось попасть во все ноты, так что в конце хормейстер отдельно отметил ее успехи. До Рождества оставалось всего десять дней, и, хотя она была уже слишком взрослой, чтобы верить в Санту, снег — это все-таки снег. Порывистый ветер подхватывал крошечные снежинки и закручивал их в маленькие торнадо.

В метро он держал ее за руку. Они стояли, потому что все места были заняты. У двери стояли две девочки немного старше Джесси, но их лица казались оранжевыми из-за макияжа, а глаза — черными из-за подводки с тушью. Над ними нависали двое парней. Он наблюдал за происходящим, и это зрелище ему очень не нравилось — так бесстыдно они их лапали. Вера называла его еще и ханжой. Может, он был бы и не против, если бы в происходящем чувствовалась хотя какая-то нежность, но было что-то неприятное в том, как парни разговаривали со своими подружками. Они насмехались над стилем девочек, подтрунивали. Джо захотелось отвести девчонок в полицейский участок, чтобы Вера провела с ними воспитательную беседу о феминизме — о праве женщин на уважение. При этой мысли он улыбнулся. Он изучил нашивки на свитерах девочек — одна из частных городских школ. Они с Сэл подумывали отдать Джесси в такую. Она была очень умненькая, и они возлагали на нее большие надежды. Но, глядя на ломания и ужимки этих девочек, он уже был не так уверен насчет элитных школ.

Поезд дошел до станции. В свете фонарей на платформе Джо увидел, что снегопад усилился, а хлопья, засыпавшие крыши, стали крупнее. Женщина в длинном пальто вошла и заняла освободившееся место в глубине вагона. Джо уже присмотрел его для Джесси и почувствовал иррациональную неприязнь к женщине. У нее были седые волосы, сдержанный макияж и хорошо пошитое пальто практически до пола. Несмотря на возраст — ей было около семидесяти, — в ней чувствовалась элегантность. Он подумал, что у нее наверняка есть деньги, так почему бы ей не взять такси вместо того, чтобы набиваться в метро вместе со всеми? На следующей станции весь вагон заняла группа мужчин. Костюмы, галстуки, кейсы. Они громко обсуждали какую-то конференцию по продажам. Джо

был в таком настроении, что и они ему не понравились: слишком развязные и наглые. На каждой станции людская масса отступала, но теперь они с Джесси оказались зажаты в углу у двери, так что он не видел ничего, кроме спины толстяка в толстовке «Ньюкасл Юнайтед». Без куртки. Настоящий суровый северянин.

В вагоне замигал свет, и на секунду стало абсолютно темно. Где-то взвизгнула девушка. Вскоре свет включился, и поезд прибыл на станцию Партингтон, почти самый конец ветки. Снег лежал на платформе слоем в несколько сантиметров. Джо надеялся, что Сэл уже была дома, отопление работало, а чай был уже на подходе. Она поговаривала о покупке елки. Его бы вполне устроила искусственная — его матери и в голову не приходило брать живую, — но Сэл на Рождество была как ребенок. Всяческие приготовления приводили ее в восторг. Он представил, как заходит в свой дом, где пахнет хвоей и чем-то булькающим на плите. И в очередной раз удивился, почему когда-то думал, что этого брака, его семьи, может оказаться для него недостаточно.

Он решил, что от станции в Мардле они возьмут такси. Сэл обещала приехать и забрать их, но он не хотел, чтобы она садилась за руль в такую погоду. Такси до дома обойдется в целое состояние, но будет того стоить. Двери вагона все еще были открыты, и он окинул взглядом пассажиров, сидящих напротив: в вагон ворвался холодный вихрь снежинок, и они осели у всех на волосах. Для похода в собор он надел строгий костюм, а на Джесси поверх школьной формы было накинуто лишь пальтишко. Он приобнял ее рукой, пытаясь согреть.

Зашипел громкоговоритель, и раздался голос машиниста.

— Извините, ребята. Проблемы на линии из-за снега. — Зазвучал приглушенный смех, потому что

праздничное настроение и крепкое пиво пересилили раздражение от возникших неудобств. — Здесь мы вынуждены остановиться. В ближайшее время подойдет автобус, и вы сможете продолжить свой маршрут, проследовав за моим коллегой. — Зазвучало раздосадованное ворчание. Пассажиры поплелись к выходу, жалуясь на холод, но скорее наслаждались этим маленьким приключением. Отличная история для сегодняшних посиделок в пабе. Эшворт придержал Джесси. Пусть пьяницы и прочие оригиналы выйдут первыми. Он нащупал в кармане телефон, чтобы вызвать такси, как только они вышли на платформу. Они были в одной остановке от Мардла. Оставалось всего ничего, не стоило выдергивать Сэл из дома. Он накинул на Джесси свое пальто, прижал к себе и начал искать номер. Остальные пассажиры последовали за работником метро в зеленой куртке; они постепенно удалялись, исчезая за пеленой снега.

В вагоне по-прежнему горел свет, но уже совсем тусклый. Машиниста нигде не было видно. Джесси ткнула Джо в ребро.

— Смотри, та женщина совсем не двигается.

— Не волнуйся. — Джо прижал телефон к уху. На том конце послышались гудки. — Наверное, заснула. Может, немного перебрала за обедом.

Только потом Джо заметил, что Джесси указывала на пожилую женщину в длинном пальто.

Он уже хотел сказать, что машинист никуда не поедет, не проверив предварительно весь состав, но в этот момент Джесси выскользнула из-под его руки и вбежала в открытые двери вагона. Она легонько потрясла женщину за плечо. Она всегда была доброй девочкой, и Джо гордился ею, но иногда ему хотелось, чтобы она не вмешивалась.

Оператор такси ответил на звонок, и Джесси тут же закричала.

Глава 2

На Харбор-стрит стоял только один жилой дом, остальные здания были коммерческими. Дом был высокий и серый, даже почти черный от угольной пыли, которая окрашивала тем же цветом маленький пляж по другую сторону ограждения. Три этажа, подвал и мансарда. Вид был внушительный. Над дверью была выгравирована дата — 1885. В подвальном окне горел свет, и в нем было видно женщину, которая снимала белье с сушилки, подвешенной над плитой. Она ловко складывала простыни: соединяла концы и расправляла, а затем клала на стол. Наверху тоже горели окна, но с дороги никак нельзя было увидеть, кто внутри.

На соседнем участке располагался двор Малкольма Керра, со стороны дороги огороженный ржавым металлическим забором, увитым жуткой колючей проволокой. Ворота были заперты на толстую цепь с огромным замком. Пара старых лодок, детали двигателей, странные пузатые емкости, накрытые брезентом, — участок напоминал свалку. Малкольм организовывал туры по наблюдению за морскими птицами на остров Коке, а зимой, когда желающих прокатиться на «Люси Мэй» становилось меньше, он работал во дворе и ремонтировал лодки соседям. Густой снегопад размывал резкие силуэты во дворе, делая их загадочными и еле различимыми. В дальнем углу стоял сарай, сооруженный из гофрированного железа и дерева. Малкольм часто работал там по ночам, попивая пиво, но этим вечером здесь было темно и тихо, а на снегу не виднелось следов.

По соседству находилась станция береговой охраны. Внутри хранились спасательные шлюпки, а снаружи, со стороны побережья, стояли трактор и трейлер, которые могли отбуксировать судно в воду

в случае необходимости или когда спасатели хотели потренироваться. Далее располагалось «Рыболовство Мардла», где всегда было оживленно и шумно: из телевизора доносилась музыка, а люди в длинной очереди болтали и смеялись. В течение дня здесь оптом и в розницу продавали свежую рыбу, в основном выловленную местными рыбаками; фасовали ее в длинном низком здании позади магазина. Вечером здесь можно было купить жареную рыбу с картошкой и посидеть в небольшом ресторанчике рядом. За фритюрницами стояли две женщины в белом, покрасневшие от жара, несмотря на задувающий сквозь открытые двери снег. На улице у входа толпились люди. Все местные. Мардл был не местом для туристов, даже летом. За рыболовством не было ничего, кроме порта, скрытого за ограждением. Лодки в нем казались темными силуэтами, их частично скрывали крупные снежные хлопья.

На другой стороне улицы располагался паб «Кобл», и между ним и рыбной лавкой постоянно сновали люди, так что снег был уже плотно утопан. Снаружи два заядлых курильщика жались к стене, спасаясь от суровой непогоды. Рядом с пабом стояло приземистое здание администрации порта, за ним — каменистая площадка, использовавшаяся в качестве стоянки, и дальше, напротив большого жилого дома с ярко освещенным подвалом, возвышалась церковь Святого Варфоломея. Построенная в стиле викторианской готики, церковь когда-то предназначалась для моряков и шахтеров, а теперь ее регулярно посещала лишь горстка пожилых женщин. В конце улицы, словно маяк или сияющая квадратная луна, горел желтый куб с черной буквой «М», который указывал на станцию метро. Конечная. Люди ждали на платформе, чтобы уехать повеселиться в городе, но поезд не приходил.

Такой была Харбор-стрит.

В большом доме Кейт Дьюар поднялась с бельем по лестнице, чтобы положить его в шкаф, и на секунду остановилась у пронумерованной двери. Не чтобы подслушать. Она никогда не стала бы шпионить за своими гостями. И все же это была ее территория, и ей хотелось знать, кто сейчас дома. Стояла полная тишина. Возможно, из-за плохой погоды возникли проблемы с транспортом. Она была рада, что дети уже пришли; она слышала их чуть раньше, так что сейчас, видимо, они валялись на диване перед телевизором в комнате внизу. Она установила правило не включать телевизор, пока они не сделают домашнюю работу, но семестр почти кончился, и сегодня она не собиралась настаивать. Когда она шагала по лестнице, ей показалось, что она услышала скрип входной двери, но, остановившись, не уловила больше ни звука. Наверное, это ветер громыхал почтовым ящиком. Она всегда могла определить северный ветер именно по этому звуку. Шкаф для белья стоял на лестничной площадке последнего этажа, между комнатой Маргарет и полочкой, на которой она оставляла растворимый кофе и чайные пакетики, а также жестянку с домашним печеньем. Под полкой стоял маленький холодильник с пакетом молока. Подносы с угощением стояли в каждой комнате — Маргарет хотелось, чтобы ее постельцы чувствовали себя желанными гостями. Именно подобные еле заметные детали и заставляли их возвращаться. Они явно приезжали не ради местного колорита, в Харбор-стрит было мало привлекательного. Арочное окно выходило на двор Малкольма, а за рыбной лавкой виднелось море. Все еще шел снег. Она смотрела, как хлопья кружатся в треугольнике света уличного фонаря. В море мелькал красный световой буй. Ее муж работал на грузовом судне, и она до сих пор испытывала смесь вины и скорби, когда думала о бескрайнем пространстве за своим порогом.

Кейт на минутку остановилась и прислушалась к музыке у себя в голове. Она уловила мелодию и стала напевать. Гимн зиме, чистой и свободной. Гимн зимней любви. И вновь она подумала о Стюарте и неожиданной страсти, охватившей ее в зрелом возрасте; она стояла не дыша, в немом изумлении и отчетливо понимала, что пожертвует чем угодно ради своего нового мужчины. Он был важнее, чем кошмары Райана и его ночные вылазки, когда он бродил по району, как дикое животное, не в состоянии заснуть. Важнее, чем его периодические вспышки гнева. Важнее, чем результаты экзаменов Хлои и ее непомерные амбиции. Стюарт — старый, усталый Стюарт, скорее покоритель вершин, чем музыкант, — вернул Кейт к жизни.

По дороге домой она столкнулась с Джорджем Эндерби в дверях. На его шерстяном пальто осели снежинки, а на крупном жизнерадостном лице светилась улыбка.

— Кто бы мог подумать, Кейт! Снег на Рождество! Дети будут в восторге. — У него был звучный голос богатого южанина, он всегда ассоциировался у Кейт с бизнесменами и актерами.

Кейт подумала, что ее дети теперь стали слишком крутыми и наверняка сочтут лепку снеговиков ниже своего достоинства. Однако Джордж был так наивен в своих фантазиях об идеальной семейной жизни, что ей не хотелось разрушать его иллюзий.

— Это точно, — сказала она.

Джордж работал торговым представителем от издательства и всегда путешествовал с большим чемоданом, полным книг. Он часто оставлял несколько экземпляров для детей. Хлое нравились некоторые книги — особенно толстые, про иные миры. А Райан, хоть и притворялся заинтересованным, особо не читал. Он брал их из вежливости. В глубине души Кейт испытывала мучительную тревогу за Райана. Он не

доставлял особых хлопот, но, несмотря на его спокойную улыбку, она подозревала, что он несчастлив, и не знала, что с этим делать. К тому же у него случались периодические вспышки гнева, которые напоминали ей о Робе. Но Харбор-стрит отнимала все ее силы и время, а Стюарт занимал все ее мечты. Райан уже много лет не разговаривал с ней по душам. Она убеждала себя, что мальчик еще совсем юный, а с детьми всегда сложно и они редко доверяют родителям.

У Джорджа была жена, но они так и не завели детей. Он сам однажды ей об этом рассказал. Он много чего ей рассказывал поздними вечерами, когда пропуская стаканчик перед сном в гостиной. Он потягивал виски, а она посматривала на часы, гадая, когда уже он пойдет спать. По большому счету, она управляла гостевым домом одна. Только Маргарет иногда помогала на кухне, но в последние дни от нее было мало проку.

— Как прошел день, Джордж?

Она знала, как серьезно он относится к своему делу. Этим он тоже с ней делился. «Не знаю, что бы я делал без своей работы, Кейт. Книги — это моя жизнь». Она чувствовала, что ему не надо трудиться ради куска хлеба. Он обладал той вальяжной самоуверенностью и беспечным отношением к деньгам, которые свойственны только богатым с рождения людям. Ей казалось, что он несчастлив в браке, хотя, даже будучи очень пьяным, он никогда не отзывался о своей жене нелестно. «Моя Диана — чудо, — говорил он. — Замечательная женщина».

А сейчас он отряхивал от снега свое пальто.

— Комната та же, Кейт?

— Конечно.

Джордж любил большую комнату в глубине дома, с видом на море, и его совершенно не смущало, что она тут самая дорогая. «Мое начальство привыкло